

О детстве на Украине, аресте Ландау, выманивании Капицы из Кембриджа и службе в артиллерии

<http://oralhistory.ru/talks/orh-2015>

8 июня 2016

Собеседник

Халатников Исаак Маркович

Ведущий

Сейбиль Наталья Владимировна

Дата записи

Беседа записана 8 июня 2016 и опубликована 25 декабря 2018.

Введение

В первой беседе физик Исаак Халатников рассказывает о своей семье и детстве в Днепропетровске, учебе в украинской школе и увлечении шашками, странностях пионерской жизни и голоде на Украине. Он вспоминает, как решил стать профессором, а фраза учителя физики «не твоего ума дело» помогла ему сделать выбор между физикой и математикой. Ученый много рассказывает про арест своего учителя Льва Ландау и объясняет, почему Петр Капица приехал в Москву и не смог вернуться в Кембридж в 1934 году. Завершает беседу рассказ о войне и службе в Высшей военной школе ПВО.

О семье и фамилии

Наталья Владимировна Сейбиль: Исаак Маркович, расскажите, пожалуйста, когда вы родились, где, какая семья была.

Исаак Маркович Халатников: Так. Естественно, что я не помню, когда я родился, но я родился в городе Днепропетровске. Это был губернский город на Украине. Я говорю «на Украине», хотя сейчас, когда усилилась национальная струя, они говорят, что надо «в Украине». Я окончил школу и университет в Днепропетровске.

Н. С.: Он тогда был уже Днепропетровском или еще Екатеринославом?

И. Х.: Он был Днепропетровском. Но родился я в Екатеринославе, в 19-м году. Но в это время происходил еще переход от старого к новому календарю, поэтому считается, что я родился 17-го, хотя, может быть, 4-го, потому что тринадцать мог добавить чиновник.

Н. С.: В загсе.

И. Х.: Тут как раз момент перехода, и поэтому дата с точностью до тринадцати дней. Значит, родился в Днепропетровске или Екатеринославе, в очень скромной семье.

Н. С.: Расскажите немножко поподробнее о маме, о папе.

И. Х.: Ничем особенным они не... Они были евреи. Но евреи бывали литовские и киевские. Мама была литовская, а отец был киевский. Интересную историю я узнал от моей двоюродной сестры из киевских Халатниковых о происхождении моей фамилии. На Украине говорят, что это русская фамилия. Откуда она взялась? Отец из киевщины, но я знаю, что все его братья, и, значит, наследники, и последующие, все носят фамилию Халатников. Она началась, значит, где-то в XVIII веке во время николаевской службы, когда еврейских...

Н. С.: В XIX, наверное, если Николай.

И. Х.: Нет-нет, какой Николай, другой Николай.

Н. С.: Николай I — это 825-й...

И. Х.: А, XIX.

Н. С.: Да, XIX век, конечно.

И. Х.: Ну, я не знаю, когда начался порядок, когда еврейских мальчиков отправляли в армию на двадцать пять лет.

” И некоторые русские помогали еврейским семьям: усыновляли мальчиков. И вот один из моих дедов был усыновлен русской фамилией. Таким образом его уберегли от кантонизма, от этой самой воинской повинности двадцатипятилетней.

Фамилия... Она сказала, что правильная моя фамилия не Халатников, а Кон. Во-первых, я знаю Кона физика американского, лауреата Нобелевской премии, так что фамилия еврейская, но интернациональная. Так что настоящая фамилия Кон, но это нигде не зафиксировано. Хотя, может быть, поскольку среди моих родственников по отцу был один журналист, который эмигрировал в Швейцарию, по фамилии Халатников, то значит он, может, знал всю эту историю тоже. Перед войной он должен был с братом эмигрировать, но как-то на границе то ли отца не пропустили, то ли он передумал, он мог и передумать, это все происходило на Украине, и эмигрировал только брат. С братом было очень мало связи. Он был журналист, кстати. Можно найти в архивах швейцарских.

По материнской линии — это литовские евреи, скорее пролетарского духа. Все мои дяди работали на заводах. Днепропетровск известен своими металлургическими заводами. Мой ближайший дядя был начальником доменного цеха завода имени Петровского, того Петровского, имя которого носит город. Петровский был вроде, ну президентов тогда не было, но он был всеукраинский староста, назывался, вроде этого. И еще Петровский этот был депутатом Думы от фракции РСДРП, так называлась фракция.

Н. С.: Исаак Маркович, а чем занимались папа и мама?

И. Х.: Папа занимался очень мелким бизнесом, то есть торговлей, мелкой торговлей. Был у него с партнерами небольшой магазин, где они продавали ткани.

Н. С.: Но это 20-е годы, пока нэп был.

И. Х.: Да, во время нэпа. Мать моя, она литовская. Вот я сказал материнская. Тауба, или ее называли Татьяна. Она работала модельером театральных костюмов в театре.

Н. С.: Художник по костюмам.

И. Х.: Не художник, меньше, конечно, портниха, которая шила театральные...

Н. С.: В цеху.

И. Х.: Это в Днепропетровске.

Н. С.: А вам тоже шила наряды?

И. Х.: Нет, конечно. Насчет нарядов в нашем кругу особенно разговоров не было. Вся жизнь происходила почти на улице, потому что это южный город.

Исаак Халатников с мамой и сестрой. Днепропетровск, 1920-е гг. Источник фото: mag.afisha.ru

Дом на улице Ленина

Значит, вы ищете каких-нибудь занимательных историй: мы жили на улице, по которой Махно занимал

город Екатеринослав. На тачанках они въехали в город, но тачанки были скрыты овощами и арбузами, а под ними были пулеметы, так было принято. И улица называлась Базарная. А перпендикулярно ей шла улица, которая, кажется, до революции называлась улица Воскресенская, а затем всегда улица Ленина. И в доме номер 2 я в дальнейшем всю жизнь до войны, до мобилизации на войну жил на улице Ленина, дом 2. Это одноэтажный особняк, состоящий из левого крыла с тремя окнами, правого крыла с двумя окнами. В главном крыле до революции жил генерал Сильчевский. Арка, которая соединяла левый и правый флигели, на ней и при советской власти все годы было написано «От постоя свободен». Значит, это был дом генерала, не очень богатый, одноэтажный, несколько комнат смежных. Мы же владели гостиной генерала, вход у нас был с улицы, с большой дверью типа...

Н. С.: ...парадной.

И. Х.: Очень похожей на ворота, парадной. Удобств, конечно, у нас не было. Все удобства были во дворе, где жили остальные жильцы этой квартиры.

Н. С.: Я знаю, что у вас сестра еще была, то есть у мамы с папой было двое детей.

И. Х.: Да, была сестра.

Н. С.: Она была старше или младше?

И. Х.: Нет, она была моложе меня, она родилась в 23-м году. Она затем училась, окончила строительный институт.

Н. С.: А когда нэп закончился, чем занимался папа, никак на нем не отразилось?..

И. Х.: Нет, когда нэп, нас, конечно, раскулачили, хотя мы жили в одной комнате вчетвером и с перегородками, и без удобств, и все прочее очень «высокого» уровня. Я помню, что отец возвращался со своей работы, то он четверть фунта колбасы и апельсин мне приносил. Так что это задает стандарт того времени, вот. Но затем его раскулачили за неуплату налогов. Конечно, налоги он платил аккуратно, но после каждой уплаты их повышали. Но какая-то была странная тюрьма, она была где-то недалеко за Базарной улицей, то есть выше город немножко...

Н. С.: То есть его арестовали, да?

И. Х.: Да, и он приходил иногда ночевать. И это продолжалось год. И я был сыном раскулаченного, хотя это не очень сказывалось, потому что вскоре появились возможности поступать с хорошими отметками. Затем, еще позже появились Сталинские стипендии, появились всякие возможности учиться в университете.

Учеба в школе

Н. С.: Мы еще про школу не поговорили. То есть я так понимаю, что в детский сад вы ходили.

И. Х.: Нет, нет.

Н. С.: А бабушки, дедушки?

И. Х.: Были тогда так называемые фребелички, которые набирали группу 5 — 10 детей и гуляли с ними днем. Я гулял у такой фребелички до первого класса школы. Школа находилась недалеко, на улице, параллельной...

Н. С.: Базарной.

И. Х.: Базарной, да, на следующем углу надо было повернуть налево, и там была 37-я семилетняя школа. Может быть, это была гимназия даже.

Н. С.: А учителя были еще старые, дореволюционные?

И. Х.: Нет. Насчет учителей. В первых четырех классах у меня была учительница по имени Евдокия, отчество я уже не помню, которая учила нас в четырехлетней...

Н. С.: Начальной школе.

И. Х.: Чотирирічка¹ была, я учился там на украинском языке. Моя мама в школу не ходила, но один раз в четвертом классе ходила. Это был, наверное, 30-й год, так я оцениваю, около 30-го. Ее пригласила учительница Евдокия, имя помню, пригласила без всякого специального повода и сказала обо мне следующее. В это время были процессы над вредителями — крупными инженерами, «Дело Рамзина»², например. Судили крупных инженеров за вредительство, появились «вредители». Ну и все это переносилось в школу, поэтому моя учительница сказала, а я был такой непоседа, все знал, и мне было скучно, естественно, в первых четырех классах, и она сказала: «А, он хороший, но он шкідник», — то есть вредитель. Потому что Рамзин и его компания выдающихся инженеров назывались по-украински шкідниками, или вредителями.

¹ Четырехлетка

² Дело Промпартии

Поэтому за то, что я на уроках много двигался, наверное, разговаривал со своими друзьями, она сказала, что «он учится хорошо, но шкідник».

Н. С.: Мама испугалась?

И. Х.: Нет, мамы больше никогда в школе не было.

Н. С.: То есть дома вам за это не досталось?

И. Х.: Нет. Шкідник, вот таким я уродился шкідником, в школе, да. А дальше меня даже в школе продвигали, в конце седьмого класса, это была семирічка. Я хорошо учился, был маленький щупленький мальчик. А девушки растут на юге быстро, поэтому мои подруги, которым я помогал решать задачи, все девушки у меня решали задачи, они выглядели как мамы. Они были высокие, извините, с большими вторичными признаками, вот.

Увлечение шашками

Н. С.: Исаак Маркович, а чем вы в школе увлекались? Какие книжки вам нравилось читать? В какие игры вы играли?

И. Х.: Дело в том... Игры — это легкий вопрос, потому что на улице, на скамейках, в любом месте сидели мальчики и играли в шашки или шахматы. Я играл в шашки в соседнем дворе обычно. Но на углу улицы Ленина и проспекта Маркса (главная улица называлась проспект Маркса) стоял голубой двухэтажный или трехэтажный дом губернатора, губернаторский дворец, который передали пионерам. И там были кружки шахматные, шашечные, которые я стал посещать. Там два события произошли. Я стал посещать, участвовал в турнирах еще маленьким мальчиком и стал чемпионом области среди школьников по шашкам. Поэтому я играл в шахматы тоже неплохо, но в шашки еще лучше. Там я стал чемпионом и так оставался до войны чемпионом области по шашкам. И даже когда война началась, в городе Иванове... Война началась, но Советский Союз не вступил...

Н. С.: В 39-м.

И. Х.: Да. В 39-м году был турнир по шашкам в городе Иванове, общество «Спартак». И там я встречался с чемпионом России, не России, а...

Н. С.: Советского Союза.

И. Х.: Да. Владимиром Соковым³, в том разряде, где чемпион играл. Я ему проиграл. Сознаться, я занял невысокое место, это был турнир мастеров. Я все-таки мастера позже получил. Но это такой получился классический вариант, Соков очень красиво у меня выиграл, что дальше в книге Городецкого по теории шашек эта партия была опубликована, моя партия с Соковым, Владимиром Соковым. Это был гениальный шашист. Конечно, это звучит немножко смешно — гениальный шашист, но можно быть даже гениальным шашистом. Он погиб на войне под Ленинградом.

³ Оговорка. Не Владимир, а Василий Соков.

Чтение газет

Н. С.: Исаак Маркович, давайте все-таки к детству вернемся. Расскажите, если помните, о школьных друзьях, о том, чем увлекались. Вот все эти процессы, Промпартия, это же 20-е годы, да? Коллективизация...

И. Х.: Сейчас расскажу. Газеты я читал с детства. Местные газеты были «Заря», на двух языках выходила «Заря» — на русском и украинском. Я газеты читал, политикой интересовался и из газет много узнавал. Например, в 38-м году Капица сделал открытие, за которое он получил Нобелевскую премию. Об этом открытии, 38-й год, это я уже в университете, но я узнал об открытии явления сверхтекучести, которое Капица сделал в Англии, когда он был в Англии... Потом он переехал в Россию, об этом я расскажу. Уже об открытии сверхтекучести и что это такое я узнал из газеты «Известия». Тогда центральные газеты писали о научных открытиях подробно. А уже в дальнейшем выбрал себе область именно сверхтекучесть. Моя докторская диссертация в институте Капицы была защищена по теории сверхтекучести. Так что начинается все с газет.

Н. С.: А вот чуть раньше, пока вы в школе учились, вы как-то обсуждали политическую ситуацию? Ну, 34-й год — это война в Испании началась...

И. Х.: Нет, я этого не помню, вы знаете. Я, конечно, следил за всеми событиями, но...

Н. С.: Но мальчишка, война в Испании, такая была романтика.

И. Х.: Да, 34-й год, не забывайте, мне...

Н. С.: Пятнадцать лет.

И. Х.: Пятнадцать лет. Значит, это я окончил... Дело в том, что дом пионеров сыграл большую роль в моей жизни, кроме игры в шашки и шахматы.

Н. С.: А в пионеры вы вступили, естественно?

И. Х.: Что? В пионеры?

Н. С.: В пионеры всех принимали.

Голод на Украине и гастрит

И. Х.: В пионеры принимали. Кроме того, в семилетке я сделал большую карьеру. Почему-то в конце... Семилетку я окончил (посчитайте, я в семь лет поступил, четырнадцать лет) в 33-м году, это коллективизация, голод. Я сам видел девушку украинскую, которая умирала под деревом на нашей улице. А проспект Ленина был посажен акациями, на юге это очень распространено, они хорошо пахнут. И видел умирающую девушку, таких было много из провинции, потому что после коллективизации и...

Н. С.: Как раз самый голодомор.

И. Х.: Да. У крестьян забрали весь хлеб, и голод был страшный. Ну, я могу сказать, вот я рассказывал, что отец в тюрьме был год, хлеб нам приносил из тюрьмы, подкармливал нас. Ну, ничего, ничего.

Н. С.: То есть хлеб вы получали по карточкам тогда, да?

И. Х.: Хлеб получали по карточкам и продукты по карточкам. На углу Базарной и Ленина в подвале был магазин, где выдавали по карточкам кильку, соленую кильку. Это был паек по карточкам, который нам выдавали. Но мама научилась готовить так называемое фальшивое жаркое из картошки. Она ее как-то так томила, обжаривала, получалось нечто похожее на жаркое. Но уже в дальнейшем, как жить стало лучше, как сказал товарищ Сталин, мама варила варенье. Когда я уходил в университет, — как я попал в университет, я потом расскажу, — нас завтраками не кормили, а мама давала мне бутерброд с белым хлебом и с вишневым вареньем. И вот от этого «диетического» питания, которое я все пять лет в университете [получал], я нажил гастрит.

Когда я был призван в армию и в военную академию, гастрит давал себя знать. У меня болел, простите за выражение, живот постоянно. В армии, уже в военной академии неплохо кормили. Я пошел к военному врачу. Это была Академия Фрунзе, где учились высшие военные начальники до меня. Учил меня генерал Колчигин, который был затем начальником штаба. Это царский генштабист, Колчигин, очень интеллигентный... Но я перескакиваю... Он в дальнейшем из Академии Фрунзе, куда я попал, штатский человек... Я перескакиваю с предмета на предмет. Но в военной академии я пошел к военному врачу, пожаловался: живот болит. Он на меня долго смотрел, и буквально: «А что это такое живот болит?», — и живот перестал болеть навсегда. По-видимому, сознание мое, до него дошло, что здесь лечить не будут. Когда до войны я ездил в Москву сдавать экзамены Ландау, я ходил в диетическую столовую на улице Горького, где театр...

Н. С.: Ермоловой.

И. Х.: Ермоловой. Там была диетическая столовая в Москве, я ее узнал, когда приезжал из Днепропетровска сдавать экзамены Ландау, и, так сказать, я мог существовать только с помощью диетической столовой.

Н. С.: Строгий взгляд военврача все вылечил.

И. Х.: Да, врач дал понять, что в армии не лечат такие болезни. Живот болит — это ничего не означает. Я перескочил, теперь я должен про детство.

Н. С.: Да, давайте про детство. А мама с папой были религиозные?

И. Х.: Нет. Ну, какую-то символику отмечали: Пасху и...

Н. С.: Хануку.

И. Х.: Хануку. На какие-то праздники пекли пироги, но это во всех еврейских семьях традиции такие.

Н. С.: А цимес мама готовила?

И. Х.: Цимес — да, я же говорил, и фальшивое жаркое. Она изобретатель фальшивого жаркого.

Н. С.: Мама вкусно готовила?

И. Х.: Ну, вы понимаете, что я ел это, да, и бутерброды с вареньем, от которых я нажил гастрит. Это вот наша жизнь.

Пионерская жизнь

Теперь давайте учебу все-таки начнем. Значит, я учился в семилетке на Комсомольской улице и сделал большую карьеру. Почему-то, когда я был в седьмом классе, начали создавать пионерские батальоны, и у нас в школе был организован 1-й стрелковый пионерский батальон. Был военрук, а меня назначили

начальником штаба товарищи. Как усмотрел этот военрук во мне военные способности, невозможно представить, потому что физкультурой я не занимался, был хилым мальчиком, но тем не менее он что-то сообразил, что я что-то так... И так и было, я потом был начальником штаба полка, настоящего, зенитного, в армии, всю войну. Войну окончил в должности начальника штаба полка, фактически я был командиром полка. Дело в том, что командир полка погуливал там с местными девушками из школы, у него были свои интересы. К концу войны, он майор был, его направили на учебу в академию, а меня назначили исполнять обязанности командира полка.

Н. С.: Мы до войны еще дойдем, мы сейчас про школу.

И. Х.: Про школу. Значит, семилетку я окончил, успел побывать начальником штаба батальона, 1-го стрелкового пионерского. И совершенно нелепая идея: мы маршировали по улицам, иногда устраивался еще культпоход в баню. Строем наш батальон шел в баню, называлось это «культпоход в баню». Это все на небольшом пятачке территории.

Н. С.: А как вы каникулы проводили?

И. Х.: Каникулы — играл в шашки. Купаться в Днепре мне мама не разрешала, потому что я не умел плавать. Большинство развлечений у мальчишек было купаться в Днепре, но я не купался, мама не пускала, потому что я плавать не умел.

Н. С.: А потом научились?

И. Х.: Так я не научился до сих пор. Вообще я всегда от физкультуры был освобожден, хилый, от военного дела в университете освобожден. Не было у меня военной практики, потому что, когда меня испытали на вращающемся кресле, естественно, голова закружилась, и меня отпустили. Так что я военную службу не проходил, но когда началась война, я попал не куда-нибудь, а в военную академию и дальше пошел по офицерской части в Красной армии. Я физкультурой не занимался тоже, хотя был мастер спорта по шашкам.

Продолжение образования

Выступал профессор Химико-технологического института. Днепропетровск — город интеллигентный, много вузов было, в том числе хороший Химико-технологический институт. И профессор, у него было очень благородное лицо, каких я не видел среди учителей. Учителя все-таки были попроще. И когда я увидел первый раз в жизни профессора, я сказал: «Я буду тоже профессором в Химико-технологическом институте». И поэтому я решил после семилетки (можно было после семилетки) поступить в Химико-технологический институт. Однако...

Н. С.: А разве не десятилетнее было образование?

И. Х.: Еще не было. Вот в этот год, когда я кончил семилетку, ввели десятилетнее тоже, возникли десятилетки, но с семилетним дипломом можно было поступать в вуз через рабфак. Для того чтобы поступить на рабфак, надо было работать.

Н. С.: То есть вам четырнадцать лет фактически — 33-й год.

И. Х.: Да. Я поступил на работу в какую-то металлургическую мастерскую, где я учился работать на токарном станке.

Н. С.: Освоили?

И. Х.: Приходил обмазанный маслом, потому что масло охлаждает объект, который я там обтачивал. Приходил грязный в течение недели, весь облитый маслом. Однако тут выяснилось, что в четырнадцать лет меня не примут на рабфак — молод. А на радость нам открылись десятилетки, я поступил в десятилетку.

Н. С.: А десятилетка была там же, да?

И. Х.: Отдельная школа, где были 8-е, 9-е и 10-е классы.

Н. С.: А год все-таки вы проработали.

И. Х.: Нет, неделю, может быть.

Н. С.: Неделю, понятно.

И. Х.: Там опять я учился хорошо, но я плохо знал русский язык.

Н. С.: В смысле грамматику.

И. Х.: Граматику, именно грамматику, вы угадали. Я сам за полгода освоил грамоту русскую, и получил уже диплом с отличием в школе. И у меня было «отлично» и по русскому языку, и по украинскому языку. Поэтому русский язык я сам выучил с помощью диктантов, которые я сам писал. Была книжка диктантов с правилами.

Н. С.: А кто диктовал?

И. Х.: Кто-нибудь диктовал или я списывал, главное, что я выучил правила. Я грамоту не под диктовку учил, а просто выучил правила. Это была книга, в которой были основные правила грамоты, и я их хорошо выучил.

Н. С.: То есть там и орфография, и синтаксис...

И. Х.: Да, да, и синтаксис. И я стал грамотно писать.

О ЧТЕНИИ КНИГ

Н. С.: Исаак Маркович, а читали много в это время?

И. Х.: Да, читали мы много в школе.

Н. С.: А что читали?

И. Х.: Это интересно, что мы читали таких писателей, как Роллан и Барбюс.

Н. С.: Роллан — в смысле Ромен Роллан?

И. Х.: Да. Мой любимый писатель был Роллан. «Кола Брюньон», несчастные его любовные похождения я переживал очень сильно. Вот это мое образование. Тогда вообще народ читал. Вот я читал эти книги. Барбюса еще читали.

Н. С.: Это уже в старших классах.

И. Х.: Это в старших, наверное.

Н. С.: А вот всякое, я не знаю, «Библиотеку приключений», которую в тот момент Чуковский издавал? Майн Рида, Вальтера Скотта? Вот такая романтическая...

И. Х.: Читал, конечно, я прошел это. Я же говорю, я читал немножко вперед, может быть. В связи с этим я вам расскажу историю. Я некоторое время в 90-е годы был совместителем, профессором в Тель-Авивском университете...

Н. С.: Вы о книжках говорили и о круге чтения.

И. Х.: А, и ректор университета Юваль Неэман, он умер несколько лет тому назад. Во время Освободительной израильской войны он был командиром батальона, а затем он был военным атташе

в Лондоне. Будучи военным атташе, сделал работу, за которую Гелл-Манн — классификацию частиц — получил Нобелевскую премию. Но он был военный атташе в Лондоне. Кто его знал? Где он печатал это? И так далее. Но Юваль Неэман меня поражал своей эрудицией. Он знал все. Мы подружились, естественно. Он организовал Тель-авивский университет после войны и был первым его ректором. Я спрашивал: «Юваль, откуда вы все знаете, так много знаете?»

” Он говорит: «Все очень просто: я прочитал всю Британскую энциклопедию. Дело в том, что дома я болтался и мешал всем заниматься делом. И отец, чтобы занять меня делом, посадил меня читать Британскую энциклопедию. Я прочитал всю Британскую энциклопедию, поэтому я все знаю».

Н. С.: А у вас дома было в детстве много книжек, или вы ходили...

И. Х.: Нет.

Н. С.: Мало, да?

И. Х.: Мало, вот если в старшем возрасте начались уже Барбюсы и Ролланы.

Н. С.: Это вы уже покупали?

И. Х.: Да.

Н. С.: А мама с папой читали? Или вы ходили в библиотеку книжки брать?

И. Х.: Нет, такой библиотеки не было, в которую бы ходили брать книжки. В школе была библиотека, может быть, я ей и пользовался.

Н. С.: Папа с мамой, в общем, без образования?

И. Х.: Они без образования, да. Может, они кончали какие-нибудь школы, этого я не знаю, это произошло...

Н. С.: Понятно.

И. Х.: Но уже брат матери был инженер и начальник доменного цеха на заводе Петровского.

Н. С.: Да, вы говорили.

И. Х.: Это было положение.

Н. С.: А дедушек, бабушек вы не знали?

И. Х.: Нет, бабушку по маме я знал. По отцу я не знал дедушку, бабушку. И дедушку знал [по маме]. Он меня носил у себя на плечах, был высокий-высокий, очень высокий еврей. Это литовские евреи.

Н. С.: А они приезжали из Литвы или?..

И. Х.: Нет, жили в Днепропетровске. Дедушка вскоре умер, не знаю, а вот бабушка, высокая-высокая, какие в Литве живут люди, бабушка была очень высокая, жила все время отдельно, на Базарной улице. Она эвакуировалась с родителями в Среднюю Азию и в Средней Азии уже умерла.

Н. С.: Уже во время войны?

И. Х.: Да.

Н. С.: А насколько была активна всякая пионерская жизнь там?

И. Х.: Какая?

Н. С.: Пионерская.

И. Х.: Пионерская, конечно. Я сказал, я был начальник штаба этого пионерского стрелкового батальона. Чем мы там занимались еще, я не могу припомнить, культпоходы в баню. А я в основном ходил в шахматный клуб, и для меня был родным домом шахматный клуб. Кроме Дома пионеров еще в Доме печати был зал, который на проспекте Маркса, в котором был шахматный клуб. Я туда ходил, играл в шахматы и шашки, но карьеру делал по шашкам, хотя в шахматы тоже хорошо играл. Болеславский, гроссмейстер, он из Днепропетровска, один из лучших шахматистов, со мной дружил и играл в шашки и шахматы.

Выбор между физикой и математикой

Н. С.: Исаак Маркович, вот вы говорили, что вас поразил с эстетической точки зрения профессор института...

И. Х.: Да, и я решил тоже стать профессором химии.

Н. С.: А были в Доме пионеров какие-то кружки научные?

И. Х.: Нет, кружков не было, но были какие-то беседы профессора химического института. Вот я первый раз увидел живого профессора, и это решило мою жизнь: я тоже буду профессором.

Н. С.: Но вы тогда думали, что вы будете заниматься химией?

И. Х.: Химией. Меня не взяли, потому что по возрасту я не проходил на рабфак, куда я должен был поступать в четырнадцать лет.

Н. С.: И вы пошли соответственно в 10-й класс, в 8-й, 9-й, 10-й класс.

И. Х.: В школу.

Н. С.: А скажите, пожалуйста, вот 8-й, 9-й, 10-й класс — это уже 36-й, насколько я понимаю, да?

И. Х.: Наверное. В 36-м году я окончил школу с отличием, хотел быть математиком, сознаюсь. Ну, я участвовал еще кроме всего, лучший из школьников, в первых математических олимпиадах, университет проводил, профессор Корчинский. И я был чемпионом области по математике на первых олимпиадах. И поэтому, естественно, мне надо было продолжать по математике. Но я еще поехал на всеукраинскую олимпиаду по математике и там заболел. Жил там у своей тети. Я заболел, и это на меня повлияло, что я подумал: физика или математика?

Н. С.: А физика, это после этой статьи в газете «Известия»? Или статья — вы уже учились?

И. Х.: Статья появилась, когда уже 38-й год, я уже поступил в университет. Я решил, что физика. Может быть, сыграл роль мой преподаватель физики.

Н. С.: В школе.

И. Х.: В школе, да. Дело в том, что мы увлекались книжками Перельмана «Занимательная физика» и задавали вопросы оттуда нашему преподавателю.

 А он не знал ответов на все вопросы из Перельмана, естественно, и в таких случаях говорил: «Не твоего ума дело», — если он не знал ответ. Это меня заинтриговало.

Я очень любил выражение «не твоего ума дело». Поскольку было не моего ума дело, по-видимому,

это и сыграло роль — я пошел в физики. Тем более еще три товарища поступили. В Днепропетровске жители центра общались, встречались на главной улице, на бульваре Маркса, и все шли... Не все, два шли на математику, два — на физику, и я решил тоже пойти на физику. Может быть, это потому, что мой преподаватель внушил мне, что это не моего ума дело.

Н. С.: Вас это задело.

И. Х.: Да, задело, решил проверить. Я в университет поступал уже на физический факультет.

Н. С.: А в университет Днепропетровский, да?

И. Х.: Днепропетровский. Университет был замечательный, качественно замечательный. Почему? И так вообще были хорошие университеты. Дело в том, что летом приезжали читать нам лекции ленинградские профессора физики из Физико-технического института и математики, очень хорошие. Например, Никольский приезжал летом, читал лекции. У нас летом читали московские и ленинградские профессора. И вот Никольский читал лекции нам. Никольский был еще профессором в Днепропетровске. Я сейчас тут ошибаюсь, он не приезжал, он был моим доцентом математики, Никольский. Позже он стал академиком в Москве и очень гордился, что мы оба были академики из Днепропетровска. Он доцент Никольский, а я студент Халатников. Потом доигрались до академиков. Он очень гордился и был долгожитель, жил больше ста лет.

Н. С.: Он жил уже в Москве, да?

И. Х.: Да, в Москве, был известный профессор, друг такого Виноградова, известного главы Московской математической школы, также он был известен как известный антисемит.

Н. С.: Виноградов?

И. Х.: Виноградов. Никольский был нормальный человек.

Н. С.: А насколько, вот когда вы поступали...

И. Х.: Когда я поступал в университет, никакого антисемитизма не было.

Н. С.: Не было, это все позже, после войны.

И. Х.: Все четыре товарища, которых я упомянул, были евреи. Два — на математику, два — на физику. Больше того, мы все четыре получили Сталинские стипендии в 39-м году.

Н. С.: А тогда только Сталинская стипендия появилась?

И. Х.: Нет, были разные стипендии. До Сталинской я получал стипендию именикакого-то съезда комсомола и так далее. В общем, я со второго года получал, очень поощрялось все.

Н. С.: А насколько было важно с материальной точки зрения получать повышенную стипендию?

И. Х.: О, Сталинская стипендия была в то время 500 рублей. Это были огромные деньги. Жили бедно, еды, ну, белый хлеб появился в 35-м году, когда Сталин сказал: «Жить стало лучше, жить стало веселее».

Н. С.: Веселее.

И. Х.: Нет, не веселее, а может, стало веселее.

Н. С.: Веселее. «Жить стало лучше, жить стало веселее».

И. Х.: Да, появился белый хлеб. И точно 1 января появились белые калачи. Я помню эти калачи, потому что на них я нажил гастрит, потому что бутерброды-то делали на этих сталинских калачах. Но вообще было голодно. А я еще последние два года в университете начал сдавать теоретический минимум, кандидатские экзамены Ландау.

Ленинградский физико-технический институт

Н. С.: А как вообще о Ландау узнали?

И. Х.: А про Ландау знали мы. Днепропетровск от Харькова — 180 километров. И лекции Ландау у нас использовались в учебе, потому что мой профессор Финкельштейн был товарищем Ландау, учился в Ленинградском университете и работал с Ландау в Физико-техническом институте. Иоффе, Абрам Иоффе, который организовал...

Н. С.: Харьковский...

И. Х.: Нет, Ленинградский ФТИ. Иоффе создал очень хороший институт в подражание немецким институтам Рентгена, и туда попали и Ландау, и Финкельштейн. Поступали замечательные студенты. Ландау был моложе по возрасту, потому что он очень рано окончил университет.

Н. С.: А Ландау был вас старше лет на десять, да?

И. Х.: Он был 8-го года.

Н. С.: На одиннадцать лет.

И. Х.: На одиннадцать лет. И все эти люди группировались в Ленинграде, либо они были аспирантами в Ленинградском физико-техническом университете. Ландау поступил в аспирантуру там, был аспирантом, наверное, у Фока. Там были очень хорошие профессора, высокого европейского уровня. И Иоффе носился с идеей создать такие институты физико-технические по всей России. И были созданы филиалы ЛФТИ в Свердловске, в Харькове и Днепропетровске — в больших промышленных центрах. И в этом Днепропетровском физико-техническом институте работали профессора, которые затем, после войны, все работали в Москве, в академии и так далее. Там был профессор Данилов, который работал в Москве затем, из Ленинграда. Это все первый класс, это такие московского класса. И у нас был студент по фамилии Мицкевич, который на третьем курсе переехал учиться в Москву, и мы его жалели. Мы жалели, мы были так горды своими профессорами и уровнем Днепропетровского университета, что же он едет в Москву, учиться...

Н. С.: Бедняга.

И. Х.: Мы его жалели, беднягу, однофамильца поэта Мицкевича. А Финкельштейн потом в Москве был профессором в Институте стали.

Н. С.: И вы от него узнали о Ландау?

И. Х.: А о Ландау я узнал от Финкельштейна, который заведовал кафедрой теории физики в Днепропетровске. И он послал меня к Ландау сдавать теоретический минимум, то есть кандидатские десять экзаменов, которые были барьером для того, чтобы работать с Ландау.

Теорминимум Льва Ландау

Н. С.: А Ландау их сам разработал, вот эти экзамены?

И. Х.: Да, он. История Ландау. Он в Ленинграде был очень умный и показывал это. А Иоффе, Абрам Иоффе, Абрам Федорович, не волнуйтесь, он был-таки Федорович настоящий, крещеный. Абрам Федорович Иоффе много фантазировал. Он встречался с Рентгеном, он был известный профессор, но он еще хотел сделать великие открытия. И каждый раз на заседание ученого совета в Ленинградском физтехе Иоффе приходил с какой-то идеей, и одна из идей была, как мы говорим, завиральной. А Ландау, когда тот предлагал такие завиральные идеи, сидел всегда в первом ряду и хохотал прямо в лицо Иоффе, его раздражал. Иоффе поэтому решил его отправить. Куда его отправить? Он уже аспирантуру окончил, и смеется прямо в первом ряду, в лицо. И он его отправил в харьковский Украинский физико-технический

институт. Он тогда назывался Украинский физико-технический институт. И когда Ландау проработал чуть меньше года, не в университете, а в политехническом институте, то Харьков с ума сошел. Как я захотел быть профессором, все захотели быть профессорами, простыми, но у Ландау. И к Ландау ходили толпы, проходы были забиты, не помещались желающие учиться или работать с Ландау. И тогда Ландау придумал теоретический минимум, что каждый, кто хотел с ним работать... Надо было кого-то отбирать. Отдел кадров для этого нельзя было использовать, и он придумал теорминимум, понимаете? Десять экзаменов разных разделов, которые надо было сдавать лично ему. И тех, кто проходил, он брал работать. Иначе бы он, грубо говоря, зашился. И этот метод отбора... Дальше его ассистенты уже принимали эти экзамены, я принимал...

Н. С.: Наверное, позднее.

И. Х.: Попозже экзамены теорминимума, и это отбор всего, после того, как он попал в автомобильную аварию, как известно. До момента аварии Ландау был очень скрупулезный и вел список сдававших, причем тем, кто сдал хорошо, — оценку там не ставили, — ставил либо восклицательный знак, либо вопросительный. Две оценки бывали в теорминимуме. А если человек не выдерживал теорминимума, он получал вопросы. И человек, набравший три вопроса, дальше не сдавал теорминимум.

Н. С.: Это как?

И. Х.: Ландау... Три вопроса. Три вопроса — это значит в трех экзаменах.

Н. С.: В трех из десяти?

И. Х.: Да. И Ландау ему объяснял вежливо, что ему теорфизикой заниматься не надо, потому что он неспособен для теорфизики.

Один из последних разговоров с Ландау был такой. Я сказал: «Да, вы такой жестокий человек. Вот этот приговор человеку, не сдавшему теорминимум, что он не может заниматься физикой, теоретической физикой, мечтой его жизни, — как молодые люди, сдававшие теорминимум, были одержимы идеей стать теорфизиками, — вы жестокий человек. Как вы можете сказать молодому человеку, начинающему карьеру в физике, что ему не надо продолжать, из него ничего не выйдет?»

В Институте физпроблем был такой длинный коридор. Ландау делать было часто нечего, и он гулял по этому коридору и трепался, как говорят грубо, со всеми встречными и поперечными. Я встретил Дау и говорю: «Да, вы жестокий человек, вы можете сказать молодому человеку такую вещь!» И тут Ландау зажегся, побежал по коридору и всем встречным говорил: «Вы знаете, что Халат говорит? Халат говорит, что я жестокий человек!» Это одно из последних воспоминаний.

Арест Ландау

Н. С.: В общем, вы поехали сдавать ему этот теоретический минимум.

И. Х.: Теорминимум. Два раза ездил я перед войной, значит, в 40-м и в 41-м году. Ездил по два месяца, питался в этой известной столовой на улице Горького и сдал...

Н. С.: А вы в Москве ему сдавали, не в Харькове?

И. Х.: В Москве.

Н. С.: Он уже из Харькова уехал?

И. Х.: Да, он уехал в 37-м году. В 38-м он был арестован в апреле. И после этого он уже уехал в Москву.

Н. С.: Исаак Маркович, а расскажите подробно об аресте Ландау, что послужило поводом?

И. Х.: Что послужило? Могу. Дело в том, это написано частично в воспоминаниях, частично в следственном

деле, Ландау болтал языком, но... Ну вот, например, это нелояльный разговор о Сталине... Говорил, что он неграмотный человек, таким образом, не контрреволюционные речи, но трепался, то, что называется «люди треплются». К этому времени Кирова убили. И Ландау... В 37-м году начались аресты в Харькове, и он сбежал в Москву. Преподавал затем еще в... Он работал в харьковском Украинском физико-техническом институте. Он собрал много молодых мальчиков, южных, харьковских, которые все шли, сдавали теорминимум, попадали к нему в аспирантуру. В основном все группировались в Харьковском физико-техническом институте.

Физики на ступеньках главного корпуса УФТИ. Первый ряд: Шубников, Лейпунский, Ландау, Капица. Второй ряд: Финкельштейн, Трапезникова, Синельников, Рябинин. Харьков, сентябрь 1934

Н. С.: А Ландау преподавал или он занимался еще какой-то работой?

И. Х.: Нет, он преподавал, и у него был большой отдел в физико-техническом институте, в Харьковском.

Н. С.: Теоретической физики, да?

И. Х.: Нет, это отдел физики, это же физический институт. Когда физик приходил с какой-то задачей, то он шел к Ландау, чтобы тот помог ее решить. Иногда Ландау, когда было интересно, садился и решал задачи. Когда ему было неинтересно, он говорил: «Почему я за вас должен делать работу? Почему я за вас должен, это ваша задача, вы ее и решайте». Но если задача была интересная, то он садился сам ее решать. Поэтому люди, которые не любили Ландау, потому что он был очень нелицеприятен в оценке поступков и работ, эти люди придумали, что Ландау ворует у своих учеников. Понимаете? Потому что он садился и делал работу за него, но он не воровал, он для него делал эту работу. А иногда он говорил: «Почему я за

вас должен делать работу?» Вот. Был у него там очень талантливый ученик Померанчук. Когда он сдавал...

В 37-м году начались аресты в Харькове, Ландау решил, что надо бежать. И его ближайшего друга, гениального экспериментатора Шубникова арестовали, и тут уже Ландау решил, что надо бежать. И он убежал к Капице. Капица его взял в Москву. Капица хотел взять английского профессора теоретической физики, но того перехватили, — Макса Борна, перехватил другой университет. И Капица искал теоретика, и тут подвернулся Ландау.

Источник фото: photos.itp.ac.ru

Ландау поселился в квартире такой, как точно эта. У Капицы были построены для сотрудников десять примерно таких, таунхаус из десяти таких квартир. А Семёнов, его друг, тоже Нобелевский лауреат, химик. Он его уговорил из Ленинграда перевести свой институт химический в Москву. И возникли два рядом института — институт Капицы и институт Семёнова. Вот мы продолжатели семеновского центра в Черногловке. Вот такая цепочка. Почему квартиры такие, как у Капицы, потому что...

Н. С.: То есть Капица еще в 30-е годы построил эти таунхаусы, да?

И. Х.: В 35-м году он начал строить.

Как Петр Капица оказался в Москве

Почему, как Капица переехал вообще в Москву? Он имел институт, Мондовскую лабораторию, Кембриджский институт. В центре Кембриджа он имел институт. Капица любил дружбу с высокопоставленными лицами, считая их достойными его. Майский, посол России, был его другом, они встречались. Капица летом ездил в отпуск в Москву, а патроном там, директором всего Кембриджского физического института был Резерфорд, великий физик, которого за характер называли крокодилом. Когда Капица построил для себя Мондовскую лабораторию там же, то барельеф крокодила

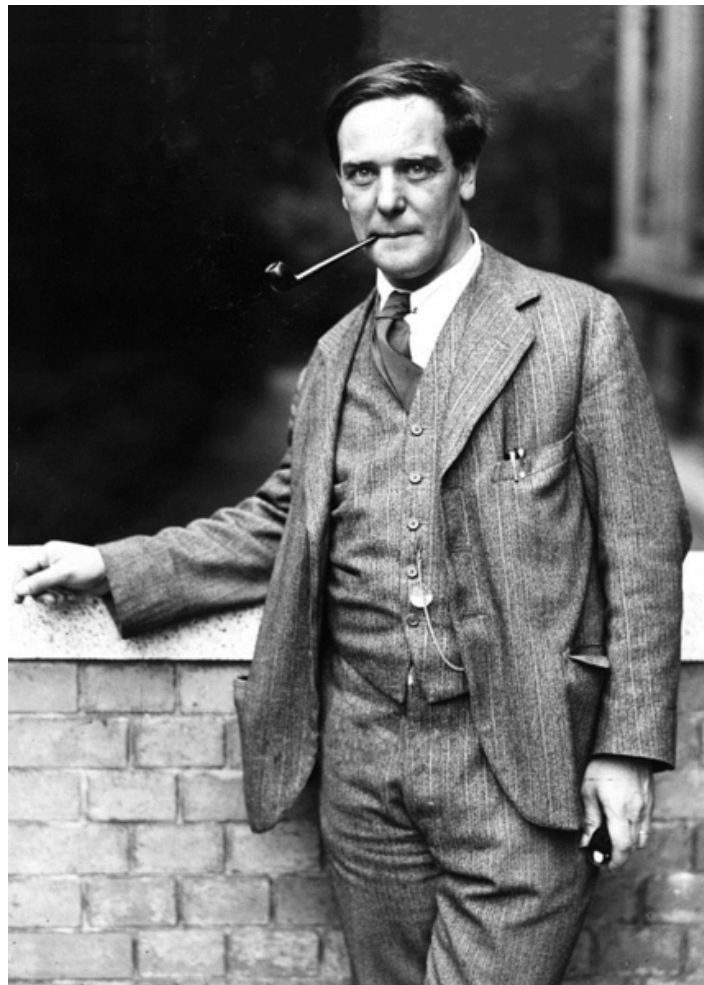

был на его корпусе, и Капица считал крокодила животным, которому надо подражать. Это не очень доброе животное, как вы понимаете, не совсем, с хорошими зубами.

И вот Капица учился в Лондоне, не в Лондоне, а в Кембридже, если точно. Ну, это целая история, как он поступил учиться. Но когда он преуспел, то он подружился с Майским, для того чтобы Капица имел такой паспорт, некие привилегии, паспорт туда-сюда и мог летом ездить в отпуск в Москву. Но для этого должен был Майский написать Резерфорду письмо о том, что он гарантирует возвращение Капицы из Москвы. А в 35-м году Майский сказал: «Слушай, что мы валяем дурака? Резерфорд не понимает смысла этого письма даже. Не будем писать, я тебе буду гарантировать сам, можешь ездить без гарантии». И он поехал без гарантии. Это была придумка Сталина. Когда Сталин узнал, что в 35-м году, нет, простите, в 34-м году вернулся Капица с маленькой хитростью, без гарантийного письма Майского, а это уже было кое-что, то Сталин, потирая руки, сказал: «Попалась птица!» И на третий день Капица узнал, что его обратно не пустят. «И нам пригодится». Капица очень переживал. Ему помогал известный физиолог Павлов, звал к себе работать, там он понемногу работал у Павлова. Обстановка выманивания Капицы была очень хитрой, я потом вам скажу. Вилли Фишер, известный русский шпион, знаете?

Н. С.: Нет.

И. Х.: Это знаменитый... Сидел в американской тюрьме потом. Вилли Фишер умный был, образованный, втерся в друзья к Капице в Кембридже, произвел такое впечатление, что они условились дружить в Москве. Я хочу сказать, что этот Фишер был подослан, как легко догадаться, потому что у Сталина не было сомнения. Вот на третий день Капице сказали: «Все, гудбай! Вы остаетесь здесь, можете здесь работать».

Ну и дальше развивалось так, что год Капица, значит, бунтовал, а затем Павлов его уговорил, физиолог, что какая родина ни есть, надо ей служить, и ему создали неслыханные условия. Ему перевели из Лондона Мондовскую лабораторию со всем его оборудованием и построили институт на Воробьевых горах. Это приказал Сталин сделать для него.

Капица немножко удивлялся, как работают русские рабочие. Поэтому иногда говорят, он старался собирать очень квалифицированную рабочую силу, потому что он писал своей жене Ане, что они не сумели оштукатурить даже здание института, поэтому пришлось оставить его неоштукатуренным.

Н. С.: А дома институтские жилые на Воробьевых горах он строил?

И. Х.: Да. И тут же институт, и параллельная улица идет, дом, 10 квартир такого типа.

Н. С.: Они еще сохранились? Что-то я их не помню.

И. Х.: В них живут, вице-президент Андреев.

Н. С.: А это на территории?..

И. Х.: На Воробьевском кольце, там, где раньше троллейбусы поворачивались.

Н. С.: Все, поняла.

И. Х.: Это в Нескучном саду, а дальше, в том же Нескучном саду, особняк, который дали под институт Семёнову, химический и физики, а дальше вожди стали строиться, и там были дома для вождей.

Н. С.: Да, дома для вождей я знаю, а вот дома Капицы — что-то я их никогда не видела.

И. Х.: Да. Это таунхаусы Капицы, которые... Вот научил Семёнова построить в Черноголовке.

Причины ареста Ландау

Н. С.: Исаак Маркович, вы так и не рассказали. Значит, Ландау, когда он понял, что круг сужается в Харькове...

И. Х.: Он убежал к Капице. Он дружил с физиком Румером, который в это время работал в Москве. Румер имел хорошую немецкую школу, теоретик. И был друг-физик⁴, фамилию не могу вспомнить, которого арестовали в Харькове. И Дау перед Затонским, был такой министр украинский, хлопотал, добился освобождения этого физика. Этот физик не очень высокого класса, но он вошел в большое доверие. Чем он взял Дау, я до сих пор не знаю. Ну он, может быть, литературу хорошо знал, в общем, разбирался в женщинах, может, а Дау был совершенно не образован по этой части, понимаете? Ну, мальчик в двенадцать лет окончил Бакинский, из Бакинского университета перевелся в двенадцать лет.

⁴ Исаак Маркович говорит про Моисея Абрамовича Кореца.

Н. С.: В двенадцать лет он уже университет окончил?

И. Х.: Он фактически окончил там три курса, Бакинский, и ректор сказал: «Тебе здесь делать нечего», — и отправил его в Ленинград. Бакинский ректор увидел Ландау первым.

Теперь, значит, в это время был еще институт ИФЛИ.

Н. С.: Да, это я знаю.

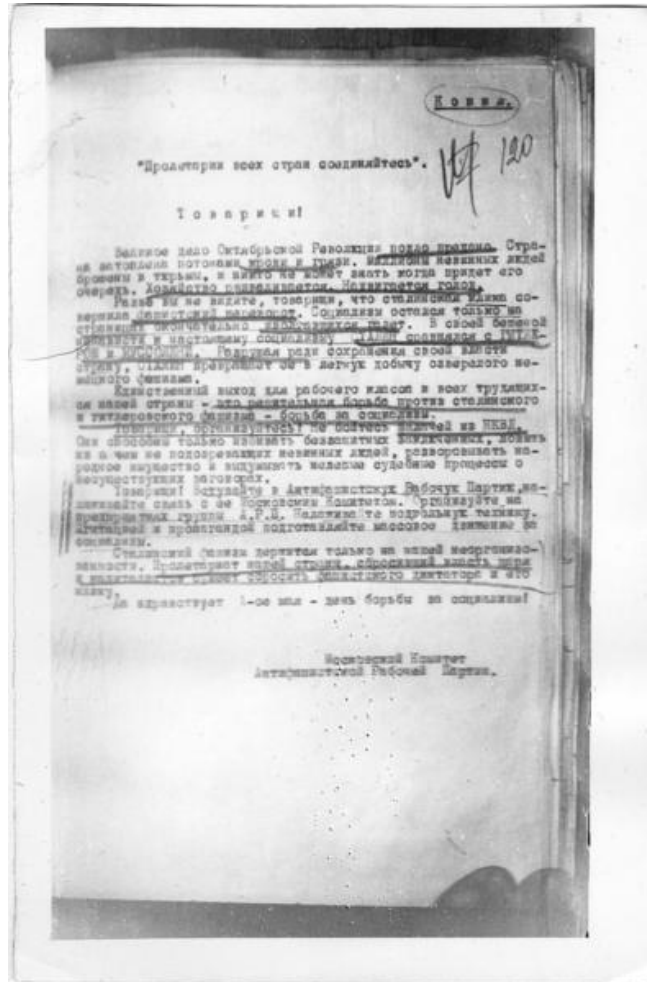
И. Х.: В ИФЛИ один из молодых поэтов писал стихи иронические по поводу Сталина.

Н. С.: А кто из поэтов, не помните?

И. Х.: Знаю. Но вы знаете, он считается святым, поэтому мне не хотелось в этом контексте его называть. Он учился в ИФЛИ и написал стихи, по-видимому, по наущению кого-то все-таки, я думаю. Потому что он потом пошел на войну и там погиб.

Н. С.: Это не Павел Коган?

И. Х.: Я не отвечаю на этот вопрос. Он написал стихи, и эти стихи были у Румера и у этого второго физика. Они их читали, да, и они решили их распространять в Москве. А для этого они поехали к Ландау согласовывать текст. Что Ландау им сказал, я не знаю. Он не подписывал этого. Они написали, значит, к этим стихам какую-то прозу и так далее.

Листовка, составленная Львом Ландау и Моисеем Корецом. 1938. Источник фото: wikimedia.org

Н. С.: А стихи были антисталинские?

И. Х.: Антисталинские. И они встречались накануне ареста у Румера в Москве, я называл — физик Румер, который... Встречались не у Румера, а у этого товарища, третьего, которого арестовали.

Н. С.: То есть его арестовали сначала в Харькове, Ландау ходатайствовал...

И. Х.: Нет, Ландау не арестовывали в Харькове.

Н. С.: Нет, я не про Ландау в Харькове, а я говорю про этого физика, чью фамилию вы не называете, который вошел в доверие к Ландау. Я правильно поняла, что сначала его арестовали в Харькове, Ландау

ходатайствовал, и его выпустили.

И. Х.: Да, вот этот. Этого я фамилию просто не... На «к» фамилия, я ее...

Н. С.: Он же потом распространял антисталинские...

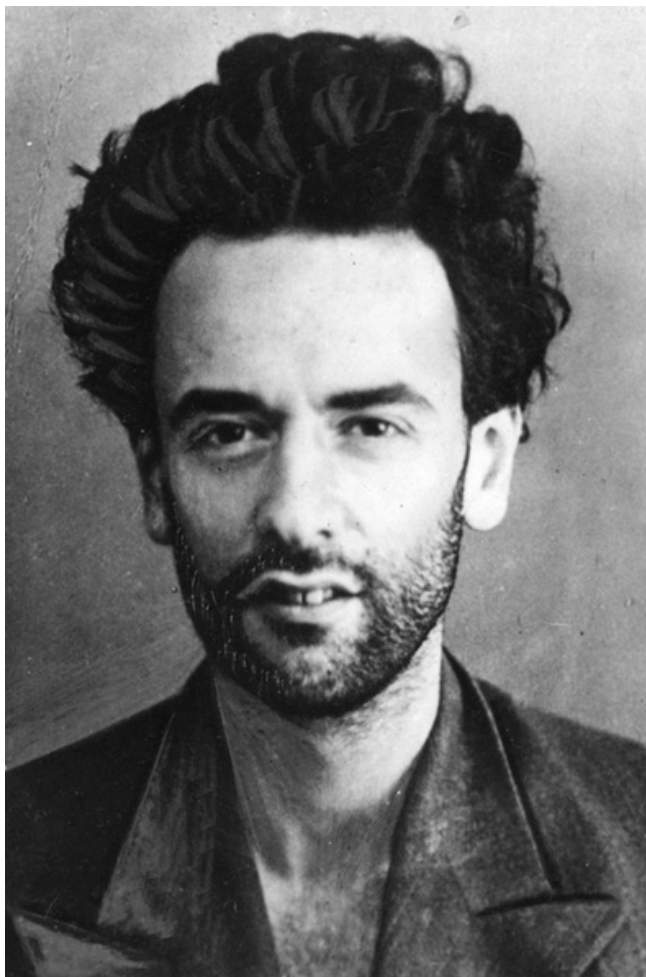
И. Х.: Его я могу назвать, потому что все, что известно, — от него. Он семнадцать лет только пробыл в ссылке. Значит, они были в гостях у этого человека. И туда приехал тот человек, которого я не хочу вам называть...

Н. С.: Поэт который.

И. Х.: Да, и вечером. Приехал вечером.

Н. С.: И там же был Ландау.

И. Х.: И утром были арестованы Ландау, гость Румер и хозяин квартиры, вот этот физик.

Лев Ландау в тюрьме НКВД. 1938. Источник фото: photos.itp.ac.ru

Н. С.: То есть его повторно арестовали.

И. Х.: Да. Типа Каце... Я фамилию его не помню.

Н. С.: А я правильно понимаю, что Елена Ржевская, которая Елена Моисеевна Каган, была женой Павла Когана, да?

И. Х.: Да, она была.

Н. С.: И она же сестра Юрия Кагана, физика.

И. Х.: Она сестра Юрия Кагана.

Н. С.: Который ученик Ландау.

И. Х.: Который ученик, не очень близкий, он поздно...

Н. С.: Она-то как раз тоже в ИФЛИ училась.

И. Х.: Да.

Н. С.: Да.

И. Х.: Я о ней мало знаю. А я знаю, что она исследовала трупы Гитлера...

Н. С.: Геббельса. Она не исследовала, она была в этой разведгруппе, которая обнаружила...

И. Х.: Это я не знаю. Ее биографию я не знаю. Она с Ландау никак не... На следующий день после визита к этому товарищу, где читались эти стихи, Ландау был арестован. Дальше идет история... Задержанных кормили кашами, а Ландау с детства не ел кашу. Его кормили кашами, наверное, это полезно. Поэтому он голодал в тюрьме, почти умирал. Но тут вмешался Капица через год.

Н. С.: Год он отсидел?

И. Х.: Да. Тут и Ежова сменил Берия. Здесь Берия ангел, в этом месте, в этой истории он положительный. Ежов — это изверг невероятный, извращенец, чудовище, по всем параметрам. Известно о визите, одном из последних визитов Ежова в Киев, он поехал. И партактив украинский обратился к Ежову с прошением разрешить еще тридцать тысяч расстрелять.

Н. С.: Увеличить квоту.

И. Х.: Он ломался, но разрешил увеличить квоту. Так что это было чудовище, Ежов. Что касается Берии, то тут оценки нужно очень осторожно делать, и историю его суда, которого не было, и так далее. Сын в своих воспоминаниях, сын Берии, утверждает, что никакого суда не было, и рассказывает потом другие подробности. А есть много людей, которые вспоминают, как его задержали на городской гауптвахте и как его расстреляли.

Война

Н. С.: Исаак Маркович, в общем, вы сдали первый этот теоретический минимум...

И. Х.: Нет, нет, я сдал...

Н. С.: А потом второй.

И. Х.: Нет, нет, я сдал первые пять, и еще пять.

Н. С.: И все получили восклицательные знаки? Ни одного вопроса?

И. Х.: Наверное, наверное, я так думаю. Но когда я демобилизовался, в армии я сделал большую карьеру.

Н. С.: А мы еще до армии дойдем.

И. Х.: Дойдем?

Н. С.: Конечно. То есть вы сдали этот теорминимум, а потом уже окончили университет.

И. Х.: Это в последний год. Я в 41-м году весной кончил сдавать теорминимум с письмом: «Было

бы желательно, чтобы вы приехали продолжать работать в институте». Подпись Ландау. Это, кажется, к письму приложено здесь. Меня тут же пригласил Дау приехать.

Но началась война. И меня вызвали, повестку прислали, в военкомат. Я мог поехать по приглашению в Москву, но я был все-таки маменькин сынок, и повиновение было во всем. Раз приказали явиться в военкомат, я явился в военкомат.

Н. С.: Исаак Маркович, а вы помните первый день войны? Вот как вы узнали о том, что война?

И. Х.: Да, помню. Это было воскресенье. Мы все жили в одной комнате, может быть, чуть-чуть больше этой. Значит, это я, моя сестра, отец и мама. И еще было выгорожено перегородкой, там жили квартиранты, которым сдавали, так что, понимаете... А вот на стенке над окном был репродуктор этот знаменитый, черный, и я сидел за столиком, там стоял столик. Я услышал из этого репродуктора, что началась война. А они начали бомбить с первого же дня. Мы спрятались в подвале во дворе этого дома генерала Сильчевского. Это был бывший, по-видимому, какой-то флигель, что ли. Была девушка, которая жила в том флигеле. Мы с этой девушкой стояли под аркой, дальше ничего не было, да, это была не защита. И пока бомбили Днепропетровск, мы стояли под этой аркой, это довольно было смело.

Н. С.: Это в первые дни войны, да?

И.Х.: Была хорошая красивая девочка, но больше мы потом уже не встречались, потому что я поехал в Москву в военную академию. Нас послали всех, причем выпускников днепропетровского физического факультета послали в артиллерийскую академию. Там я встретил товарища, который уже был там. Это все было в Артиллерийской академии имени Дзержинского.

Н. С.: Исаак Маркович, давайте еще к самому началу войны вернемся. То есть вы услышали, сидя за столом, о том, что началась война, и сразу же через несколько часов начались...

И. Х.: Ночью уже начались бомбежки.

Н. С.: То есть в тот же день ночью уже начались бомбежки?

И. Х.: Да, Днепропетровск был важнейший промышленный центр, его бомбили с первого дня.

Н. С.: А папа был уже, естественно, непризывного возраста.

И. Х.: Нет.

Н. С.: И сколько вы вот до того, как попали в академию, в Москву, сколько вы еще были в Днепропетровске? Это какие-то дни, недели?

И. Х.: Это порядка недели.

Н. С.: Порядка недели. А как удалось эвакуироваться семье?

И. Х.: Семья уезжала вместе с какими-нибудь заводами. Заводы, вы знаете, эвакуировали блестяще. Известно, что с колес прямо в лесу начинали станки работать. Это все неслыханно, на Урале станки работали, которые привезли рабочие.

Н. С.: А кто у вас?.. У вас же никто не работал на заводе.

И. Х.: Работал.

Н. С.: Дядя работал.

И. Х.: Мамин, дядя Лёва, которого потом хотели назначить директором Таганрогского сталелитейного завода, но он отлынил от большой этой работы и был начальником цеха или такого масштаба. «Таганрогсталь» была.

Н. С.: А куда эвакуировали семью, на Урал?

И. Х.: Куда семью? Семья моя уехала, по-моему, в Ташкент или какой-то город там — это моя семья. А вот семья моего дяди, по-видимому, где-то на Урале была.

Н. С.: А мама, папа и сестра попали в Ташкент?

И. Х.: В Ташкент. Сестра почему-то доучивалась где-то на Кавказе. Был еще мой будущий муж сестры, учился в классе с ней вместе и был такой, как говорится, правильный, что он был секретарем парторганизации школы, Сёма (*нрзб.*). Служил во флоте Черноморском, а после этого кончил юридический институт московский заочно и был начальником Главпива, то есть в пищевой промышленности известный человек.

Н. С.: Исаак Маркович, а семье удалось уехать тоже в первые дни войны?

И. Х.: По-видимому, да. Эвакуация была проведена довольно быстро, так что, по-видимому.

Н. С.: К счастью, никто в Днепропетровске из ваших родственников во время оккупации не пострадал.

И. Х.: Нет. У моей мамы была сестра Соня, блондинка, яркая, помню, небольшого роста. У нее был сначала такой временный муж. Горбатов его была [фамилия], кубанский какой-то казак, но он недолго с ней жил, уехал. И потом она вышла замуж и родила двоих детей. Муж был у нее русский. В Днепропетровске большинство — рабочие люди, как говорится, другими делами люди не занимались. Значит, она вышла замуж, двое детей. Но все соседи, поскольку она вышла замуж за русского, ее считали тоже русской: ты тоже русская и так далее. Мужа призвали в армию, двое детей с ней остались, считая, что отец русский ушел в армию. Когда вошли немцы, соседи тут же сообщили, что она еврейка, и ее и детей расстреляли в лагере. А что с мужем, который был русским по этой классификации, не знаю. Он был какой-то мастеровой человек, во всяком случае, потому что русские люди в основном мастеровые. А то, что отец у этих детей был русский, не имело никакого значения.

Н. С.: Детки маленькие совсем были.

И. Х.: Да, верно. Я их даже не знал, потому что она вышла за русского, а в еврейских семьях как-то...

Н. С.: Не очень одобрительно относились.

И. Х.: Да, относились.

Н. С.: А насколько ваша семья была традиционной? Вот кроме того, что...

И. Х.: Нет, нет, ничего традиционного не было, не соблюдали никаких праздников и в синагогу не ходили. Отец мой выходил на большие праздники.

Н. С.: В Днепропетровске была синагога?

И. Х.: Конечно, там много евреев было, тогда это была, как это называется, зона...

Н. С.: Оседлости.

И. Х.: Нет, зона, разрешенная для проживания.

Н. С.: Ну, черта оседлости, где можно было.

И. Х.: Да, черта оседлости, поэтому Екатеринослав был приманкой, там была работа и там было...

Высшая военная школа ПВО

Среди курсантов встретил своего днепропетровского приятеля. Он кончал Московский энергетический институт. Он попал в тот же, это называлось дивизион или курс, который готовил офицеров для артиллерийской академии. Он меня встретил и говорил: «Будут экзамены, с тобой будет разговаривать»

комбриг Березин. Он спросит, знаешь ли ты, что такое сельсин». Я не знал.

Н. С.: А что это?

И. Х.: Это прибор при пуске, который управляет пуском. Нет, сельсин — это прибор более широкого профиля, но вот в том числе. Комбриг меня вызвал, спросил, знаю ли я, что такое сельсин. Я сказал, что знаю, хотя я понятия не имел. А на следующий день пришли за нами полковники общевойсковые, не артиллерийские, и нас всех... А нам успели выдать половину формы уже военной: сапоги и галифе. А верх у нас были белые рубашки и белье. И вот в таком виде нас построили и сказали: «Вы теперь будете слушателями военного училища, 6-й дивизион». Всё. Нас по набережной... Знаете, где артиллерийская академия?

Н. С.: Саввинская набережная.

И. Х.: Отвели в Академию Фрунзе.

Н. С.: А расселили вас где? Где казармы были?

И. Х.: Напротив академии, они есть и сейчас. Напротив Академии Фрунзе имеется, по-видимому, это школьное здание в стиле готическом, оно и сейчас стоит.

Н. С.: Академия Фрунзе — это же Парк культуры, да?

И. Х.: Нет, это...

Н. С.: Зубовская площадь.

И. Х.: По Зубовской улице надо идти.

Н. С.: По Пироговке.

И. Х.: Девичье Поле.

Н. С.: Да-да-да. между Пироговкой и Плющихой.

И. Х.: Да, Пироговка, продолжение, вот на этой улице Академию Фрунзе вы можете увидеть.

Н. С.: Академия Фрунзе, да, я знаю.

И. Х.: И нас привели туда и сказали, что мы будем учиться на втором факультете Академии Фрунзе, после ее переименовали в Высшую школу ПВО. Это был факультет ПВО, а нас сделали Высшей военной школой ПВО, то есть ВВШ ПВО. Учили нас преподаватели Академии Фрунзе, а это были все еще царские генералы и полковники. И у нас был начальник курса полковник Притузов, еще генштабист. И он правильно — сначала строевые занятия, и я ему приглянулся. Он решил, что я хороший строевик. Значит, когда строил наш курс, тогда полковник Притузов, его фамилия, приказывал: «Курсант Халатников, пройдите строевым шагом». И я перед строем всего курса шел строевым шагом, демонстрировал. Я тут вспомнил: мальчик, который освобожден от физкультуры, хилый, я освоил строевой шаг так, что демонстрировал перед строем его. Вы знаете, когда нужно, то всему можно научиться.

Н. С.: А жили вы в этой школе, да?

И. Х.: Мы жили в этой школе. И я еще был к этому назначен начальником ЧДК, чердачной команды. Были разные команды там, была эвакуационная и так далее. А я был начальником чердака в Академии Фрунзе. А в это время бомбили Москву, зажигалки надо было сбрасывать с крыши Академии Фрунзе. Я дежурил на чердаке и сбрасывал зажигалки. Почему меня послали? Начальник курса... Дело в том, что все были у них из университетов, и был один, когда построили, спросили: «Кто не учился в университете?» Один вышел: «Мелитопольский педагогический институт». И этот Проценко — это им подарок, что один из педагогического института, да еще Проценко. Он был назначен старшиной моего взвода. А старшина назначал наряды, поэтому он меня назначил на чердак, может, не полюбил. И я был начальником

чердака. Дежурили мы на самом верхнем этаже. Когда начинали бросать зажигалки, то наша команда вся бежала на чердак, сбрасывали зажигалки.

Исаак Халатников в армии. Источник фото: mag.afisha.ru

Высшую военную школу ПВО вскоре перевели в другое помещение на Красноказарменной, 10. И там была неприятная одна работа, конечно, я попал. Это ночью часовым у единственной пушки, на которой мы учились, и я был часовым. Это была осень 41-го года, шел дождь. В шинельке, я часовым. Почему тот же Проценко меня выдвигал на самые ответственные посты? И я дежурил у этой единственной пушки, на которой мы учились стрелять, не самого нового образца.

14-е октября — эвакуация Москвы. Наш начальник академии генерал Кобленц, немецкая какая фамилия, странно, начальник нашей ВВШ ПВО уезжает в Генштаб получать указания: уезжаем мы на фронт или нас эвакуируют. А мы в это время разучиваем посадку в товарные вагоны, для того чтобы уезжать из Москвы. Но мы не знали. Генштаб должен был решить, уедем мы из Москвы или не уедем. До полудня мы учились садиться в товарные вагоны.

Н. С.: А это отдельная наука — садиться в товарные вагоны?

И. Х.: В армии расписано все, можно чихнуть или нельзя чихнуть. В уставе все написано довольно разумно.

Приехал наш Кобленц и сказал: «Все, эвакуируемся. Генштаб решил в Пензу». В Пензе и сейчас какие-то заводы, имеющие отношение к зенитной артиллерии, кажется. И мы уехали в Пензу, и там доучивались до апреля 42-го года. Мы все выучили, нас выпустили лейтенантами, но куда не посылали. Но часть написали заявления с просьбой отправить их на фронт немедленно, потому что начиналась под Сталинградом страшная буря. А тех, кто не написал, тех послали защищать Москву, потому что Сталин приказал создать второе кольцо зенитной артиллерии для защиты Москвы. И я попал в это кольцо, которое должно было...

Н. С.: А тех, кто написали, тех отправили на фронт, да?

И. Х.: В Сталинград отправили, многие погибли. Нет! Тех, кто *не* написал. Кто написал, поехали в Москву.

Н. С.: А, то есть вы написали с просьбой отправить вас на фронт.

И. Х.: На фронт, да. В Москву послали самых лучших, передовиков, потому что Сталин считал защиту Москвы самым главным фронтом. Очень боялся бомбежек Москвы. И я поехал в Москву. Здесь меня распределили на батарею сначала заместителем командира, потом в этот полк заместителем начальника...

Исаак Халатников (пятый слева в первом ряду) с однополчанами. Начало 1940-х гг. Источник фото: mag.afisha.ru

Н. С.: А где батарея ваша стояла?

И. Х.: Та батарея, где располагался в земле штаб полка, находилась в Лаптеве, рядом с Архангельским, где жил Булганин и где сейчас тоже правительственные дачи. По Калужской дороге Архангельское есть, курорт. Там правительственные дачи, там была у Булганина. Булганинский охранник был у нас в полку представителем Смерша. Смерш — это была контрразведка, которая должна была уничтожать шпионов.

Там была замечательная история. Штаб полка. Стоит одна батарея, а в полку таких пять батарей, да еще одна батарея локаторная и так далее. А в этой батарее командиром взвода... Я был уже начальником штаба, а командиром взвода являлся мой сокурсник. Збарский была его фамилия. Сталинград. Разгром немцев под Сталинградом. И приказ Сталина: всех офицеров зачислить в партию. Я не был до Сталинграда членом партии, естественно. Значит, все офицеры... Это нигде почему-то не описано, что был приказ зачислить офицеров. После Сталинграда — большие потери. И Збарский был, конечно, беспартийный. Он командир взвода. Я начальник штаба полка. Мы сидели за одной партой. Просто чтобы вы видели, как движение происходило. Физически он был сильнее меня. Он приходит и говорит: «Если ты меня отпустишь на две недели домой, я подам заявление». Это так, между нами, как вступали в партию после Сталинграда. Ну, пришел, говорит: «Отпусти меня на две недели к жене». Он был женат. Я его отпустил.

Он вступил в партию. Так что вот есть такая маленькая подробность о том, как происходил набор в партию после Сталинграда. Это нигде я не читал. Может, ничего в этом плохого нет, но немножко... Такой штрих, который мало кто знает.

Н. С.: Да, никто не рвался особенно.

И. Х.: Нет, не то что не рвался. После Сталинграда очень поредела армия. Партийный набор был поголовным, всех офицеров в партию зачисляли.

Да, нужно сказать, как меня демобилизовали. Меня хотели в 44-м году зачислять в Академию в штат, в аспирантуру, и договорился Капица. А меня маршал Воронов не отпустил, потому что к этому времени придумал всякие мульки, как надо правильно стрелять заградительным огнем. Вы не знаете, что такое заградительный огонь? Как правильно ставить стенку, используя прибор, когда наведение... И это предложение находилось в Генштабе. И Капица в 45-м году, сидя в президиуме с маршалом Вороновым, сказал: «Сейчас только что вот сбросили атомную бомбу. Сейчас физики — настоящие люди, нужные нам, они создают атомные бомбы. А артиллерия — это ничего. Отпустите его». Воронова задело. Воронов меня не отпустил. И до сентября 46-го года меня они не отпускали. Уже демобилизация идет. Командиров полка отправили учиться. Я командир полка... В сентябре 46-го года, когда подписали договор с Японией, бомбу сбросили там, Воронов лично меня уволил. Показал, что он помнил: я ценный человек для армии, но меня отпустили для физиков. В 46-м году. То есть 9-го сентября, когда подписывали мирный договор, подписали приказ о моей демобилизации⁵.

Н. С.: Давайте тогда на этом сегодня остановимся.

⁵ Вероятно, Исаак Маркович оговорился и был демобилизован в сентябре 1945 года.